

Вас люблю

Наталья БЕЛОХВОСТИКОВА, Владимир НАУМОВ

Есть много разных книг, написанных в соавторстве, художественных и научных, есть пьесы, сочиненные вдвоем, детективы, еще больше — киносценариев. Вот только общей книги воспоминаний, кажется, пока не было...

Как могут быть «общими» воспоминания? Наверное, не могут — каждый видит и запоминает свое. Но когда люди тридцать лет вместе — на съемочной площадке и дома, то есть двадцать четыре часа в сутки, — странно было бы вспоминать отдельно друг от друга.

Наталья Белохвостикова. В первый раз я «увидела» своего будущего мужа, когда мне было тринадцать лет. Я тогда приехала к папе на каникулы в Швецию (отец Н.Б. — дипломат. — Прим. ред.). А Володя вместе с Галиной Польских и Маргаритой Володиной приехал на «Неделю советских фильмов». Мне очень хотелось увидеть нашу делегацию, во время приема в посольстве я прокралась на балкон, но народу было много, и я ее прозвела...

Владимир Наумов. Сидим мы в кабинете у посла, дверь приоткрыта, вдруг мелькнуло что-то курносое и беленькое, с косой до пояса...

Н.Б. Прошло несколько лет. Я летела с фильмом «У озера» в Югославию. На аэродроме увидела Владимира Наумова, его буквально в последний момент назначили руководителем нашей делегации — вообще он должен был лететь с фильмом «Бег» совсем в другую страну. Нас наспех представили друг другу. А в самолете наши места оказались рядом. Мой сосед все время вертел в руках сигареты, они были у него во всех карманах, он разминал их, нюхал, но так ни разу и не закурил. Как выяснилось, в этот период он боролся с самим собой — бросал курить.

В.Н. В аэропорту я Наташу не помню. В тот момент, когда нас знакомили, я так хотел курить, что ничего не соображал. Получилось, что Наташа со мной позависла на аэродроме, а я с ней — в самолете. Вот тут-то я ее и разглядел и, продолжая расправляться со своими сигаретами, сразу начал за ней усиленно ухаживать. По-моему, она приняла меня за сумасшедшего.

Н.Б. Да, Володя меня сильно удивил с самого начала. Я до сих пор не перестаю удивляться ему. Мне было двадцать один год, когда мы поженились. Я выросла и мудрела рядом с мужем. Когда мы только познакомились, у меня было одно ощущение от кино, от того, что я понимаю в жизни. Рядом с ним все поменялось.

Наумову было в то время немногим больше сорока. Но он в душе был моложе иных моих сверстников. Меня восхищала его дружба с Аловым. Они могли вместе работать целый день, а по вечерам звали друг друга и долго говорили, соскучившись за какие-то часы.

Вернувшись из Югославии, я снималась в картине Сергея Урушевского «Пой песню, поэт...» о Сергее Есенине, играла Анну Снегину. Мы виделись с Володиной на «Мосфильме», но не только там. Он ввел меня в круг своих замечательных друзей. Мы бывали вместе на поэтических вечерах, в мастерских художников...

В.Н. А потом мы с Александром Аловым уехали в Дом творчества писателей сценарий. А по вечерам я ходил звонить в Москву. Тогда для этого нужны были пятинашккопеечные монетки, которые я режисировал у всех, все карманы были набиты ими. Моя прежня семья к тому времени распалась. Я шесть лет жил холостяцкой жизнью и думаю, что никогда больше не женюсь. Время от времени журналисты, которые берут у меня интервью, интересуются обстоятельствами моей личной жизни до того, как я встретил Наташу. Вместо прямого ответа на этот вопрос я могу рассказать одну историю. Она связана с моим учителем Игорем Андреевичем Савченко.

Мы с ним жили в одном доме на Большой Дорогомиловской. Иногда вместе возвращались из ВГИКа. Однажды мы с Савченко шли к нашему дому. Вместе с нами были еще Параджанов и Худиев. Савченко сказал, что жена просила купить хлеба, мы зашли

в булочную, купили буханку черного и батон белого, положили в авоську красного цвета. Савченко отнес ее на кухню и прикрыл дверь. Жена, Татьяна Яковлевна, говорит ему: «Игорек, обожли, я сейчас, только спущусь хлеба купить». Савченко молчит, мы топим. Проходим к нему в кабинет, вдруг бегает его возбужденная жена: «Игорь, ты же купил хлеб!» Он отрицает. И начинается настоящая скарда, как в итальянском кино. Они разругались в пух и прах. Жена хлопнула дверью и ушла, Савченко сел разжигать камин. Я, как самый наглый, спрашиваю: «Игорь Андреевич, почему вы не сказали, что хлеб мы купили?» Он внимательно посмотрел на меня и сказал: «Прошу запомнить на всю жизнь: никогда, никому, ни в чем не сознавайся!» Вы поняли, что задавать мне вопросы о личной жизни бесполезно: не признаюсь.

Итак, я думаю, что больше не женюсь. Мне нравилась свобода, в моей четырехкомнатной квартире почти ничего не было, часто приходили гости, в одной из комнат жил бурундучок, меня все устраивало. И вдруг... как землетрясение. Вижу, что без нее ничего не получается... примерно через год расписались.

Я ужасно банальный человек — ценю прежде всего красоту. Потом женственность — одно из самых притягательных свойств, не поддающихся объяснению. Желательно, чтобы женщина бы-

лась у прекрасных педагогов Армена Джигарханяна и Альберта Филозова. Впервые она снялась, когда ей было пять лет, в картине «Тегеран-43» — играла девочку, меня в детстве. Отец привел ее в декорацию, усадил, долго что-то рассказывал. И она, на мой взгляд, именно сыграла свой эпизод, когда просыпается в постели, испуганная грохотом, вспыхивая огнем за окнами, «растрелом» статуи святых, которые разрывались у нее на глазах. «Тебе больно?» Этот вопрос — первые слова, произнесенные ею в кино, — она задала деревенному святому, изрешеченному пулями. Через несколько лет она снималась в «Береге».

В.Н. Лично я хотел, чтобы дочь работала в кино, но это совсем не значит, что я что-то делал для этого. Она могла выбирать все что захочет, никто на нее не давил. Ее бросало из стороны в сторону поначалу. Она выбрала свою судьбу сама. И вот уже снимается несколько лет и сделала как режиссер свою первую тридцатиминутную картину для телевидения.

После учебы во ВГИКе она снималась в фильме «Белый праздник», где последнюю свою роль, отца ее героини, сыграл Иннокентий Смоктуновский. Недавно она сыграла главную роль в моей картине «Наследница, или Жена мертвого человека» (или «Малонна на асфальте»). Моя дочка промахнулась веком. Она из девятнадцатого и должна ходить в других одеждах. В то же время она умеет постоять за себя.

СЛУЖЕБНЫЙ КИНОРОМАН

ла умна, конечно, преданна, чтобы на нее можно было положиться. И еще — она должна быть талантливым человеком. По-моему, у меня получился портрет моей жены... Наташа от природы наделена вполне всеми женскими качествами: добротой, нежностью, мягкостью... А вот с ролью примдонны она никак не справлялась, вернее, старалась не быть примдонной, она скромная.

Н.Б. Я довольно странный персонаж: то, что мне дорого, я предпочитаю оставлять при себе, не люблю афишировать свои чувства, выставлять их напоказ. О том, что я жду ребенка, знали только мои близкие: мама, папа, бабушка и Володя. Я скрывала этот факт до последнего дня, может быть, из суеверных соображений тоже.

В.Н. Мы с Аловым встречались каждый день. Когда мне позвонили из роддома, я тут же перестал ездить. «Поздравь, у меня родился ребенок!» Он долго дышал на другом конце провода, потом произнес: «От кого?» — «Как от кого? От любимой законной жены!» — «Врешь, я же вчера видел...» Наташа так ослепала, что никто ничего не заметил.

Н.Б. Через три недели после рождения Натанькины я вышла на съемочную площадку — Алов и Наумов начали снимать «Легенду о Тиле». Потом пришлось уехать в Ригу, где деньги, которые получала за съемку, «ссыла» телефонный аппарат. Воспитывала Наташу моя мама. Про то, что у нее появился первый зубик, я узнала по телефону. Когда только возвращалась в Москву, установились неформальной мамой. Есл дочка болела, я сидела возле кровати и каждые полчаса измеряла температуру.

В.Н. Имя дочери выбрал я. У меня была корыстная цель — когда я позвоню: «Наташа!» — прибежит сразу обе. А получалось — ни одна не бежит. Каждая думает, зовут не ее. В общем, как сказал философ: «Хотели как лучше, а получились как всегда».

Н.Б. Я пришла в кино из другого мира — дипломатического, предельно закрытого, во многом замкнутого на себе. А наша дочь росла в доме, где царил кино. Она слышала наши бесконечные разговоры о съемках, знала наших друзей-кинорежиссеров, что есть кино с самого детства вошло в ее кровь.

Когда я мечтала о кино, этот мир представлялся мне феерической сказкой, а дочь с самого детства знала, что это очень жесткая профессия и очень трудная жизнь. У Наташи вообще нет звездных иллюзий, она видит этот мир изнутри. После окончания школы она поступила на актерский факультет ВГИКа, учи-

К тому же не хочет быть зависимой. Н.Б. У нас нормальная семья. Это не значит, что в доме все постоянно ссорится. Главное — обходился без серьезных ссор. У мужа характер взрывной, темпераментный, в нем кипит энергия. Зато я тихая и мягкая. У меня ощущение, что я знала Володю всегда, мы проросли друг в друга. Наверное, потому что занимаемся вместе одним делом.

В.Н. Наташа человек сопереживающий, содействующий, она в моих делах принимает самое активное участие. Н.Б. В нашей профессии все непредсказуемо: сегодня тебя снимают, завтра — нет. И если при этом у актрисы нет семьи, это страшно. Я всегда отказывалась от ролей, которые бы вынудили меня из дому на больший срок. Мне казалось, что раз у меня есть дом, семейное тепло — их нужно беречь.

Муж — совершенно неугомонный человек. Уходит в девять вечера, появляется поздно вечером, он не знает, что такое выходные, совсем не умеет отдыхать. Одну картину снимает, другую завершает, третья — в проекте. Фантазия у него круглосуточная. Помню того, что он снимает кино, он еще замечательно рисует. Однажды он нарисовал меня, это был потрясающий портрет. Мы взяли его на прямую телеэфиру в Дом кино. Пока шел показ нашего фильма «Десять лет без права переклассификации», он исчез из виду, где мы его оставили, кто-то украл. Я до сих пор не могу успокоиться, так мне жалко этот портрет.

В.Н. Легко ли снимать собственную жену? Для меня разница состоит лишь в том, талантлив человек или нет. А что касается жены, то, с одной стороны, ее снимать легче по той простой причине, что она значительно больше знает о самом фильме. Ведь работа не кончается на съемочной площадке, она продолжается дома, где мы обсуждаем и выверяем отдельные моменты будущей ленты. Так что в этом смысле — проще. Но существуют сложности другого рода. Я всегда относился к ней на съемках строго, чем к другим, именно потому, что — жена, и мне неудобно отметить съемку, если Наташа заболела, опять же потому что — жена.

Н.Б. Трудно ли мне сниматься у режиссера Наумова? И да, и нет. Трудно потому, что, работая с мужем, я особенно остро, иногда болезненно, воспринимаю все, что касается съемки в целом. Хочется, чтобы все шло хорошо, ничего не мешало, чтобы он не мучился, не переживал из-за разных неурядиц, которые неизбежны во время съемки. Кроме того, я чувствую

повышенную ответственность за то, что делаю как актриса. Я имею ни малейшего права ошибиться, подвести мужа. На площадке я живу в особом режиме.

В то же время мне легко. Я проживаю вместе с Володиной всю картину, с того момента, когда она только задумывается, в том числе моя роль. То есть я все время в материале. Легко и потому, что за время совместной жизни мы научились понимать друг друга практически без слов.

Н.Б. В картине «Тегеран-43» у нас был замечательный продюсер — Жорж Шейко, к сожалению, уже ушедший из жизни. Он был очаровательнейшим человеком! Француз русского происхождения, буквально — человек без родины, потому что родился он на корабле, посреди моря. Во время революции в России его родители бежали из Крыма в Стамбул, а потом в Париж. И он родился где-то по пути, среди морских пучин. Он был продюсером французского фильма «Черный топиан», работал с Делонем. И когда мы в Париже снимали «Тегеран», режиссеры сказали ему: «Раз мы здесь, надо бы кого-нибудь из французских пригласить». Жорж стал перечислять французских актеров, которых можно привлечь к съемке. Наумов говорит: «Жорж! А давай Делона позвоним?» Видели бы вы выражение лица нашего несчастного продюсера: «Как Делона?! Какого Делона?!» Наумов говорит: «Ну не знаю — Аленом, по-моему, его зовут. А что, есть другой Делон?» Он кричит: «Ты что — с ума сошел? Он в жизни не играл эпизодом! Что ты ему можешь предложить?» Алов отвечает: «Фу, есть же у нас полицейский Нош — на две странички написан...»

Продюсер в шоке: «Вы в своем уме?» Наумов говорит: «Жорж! Ну есть же судьба! Давай рискнем! Ты знаешь его телефон? Позвони! Скажи ему — есть два русских сумасшедших, которые снимают здесь картину и хотят тебя пригласить!» Он говорит: «Он меня пошлет!» Но к телефону пошел, набрал номер. Делон оказался на месте — у себя в офисе, это в семь часов вечера! Жорж о чем-то с ним говорит по-французски, мы его подталкиваем: «Скажи!» — а у него никак язык не поворачивается. Наконец, с трудом вываливает: «У меня такая ситуация... Тут два сумасшедших... хотели бы тебя поговорить...» Делон спрашивает: «А кто они — эти сумасшедшие?» — «Да... два режиссера!.. Русских!.. Можно нам к тебе зайти?» Делон отвечает: «Я вас жду через пятнадцать минут. Не успеете — ваша проблема».

В.Н. А мы машину уже отпустили. Пришлось идти пешком.

Благо — рядом, здесь же, недалеко от Елисейских полей. Еще дождь шел. Мы взяли огромный зонтик, и — втроем под одним зонтом!.. А Алов еще с палочкой по лужам скользил... Пришли к Делону. Сели, разговариваем: «Вот, хотим вас пригласить...» Он спрашивает: «А что играть?» Я даю ему два листа... Он говорит: «Боже мой! Это что?.. Две странички, что ли?» Я нагло отвечаю: «Да!» Он: «А в сценарии всего сколько?» Я говорю: «Сто двадцать страничек!» Он смеется, говорит: «Ну, хорошо! Значит, так: давайте так договоримся... Сейчас сколько? Восемь? Завтра, в восемь утра...» Ладно — полдесятого — вы мне приносите на французском языке не менее пятнадцати страничек хорошей роли. Тогда и будем разговаривать!» Мы отвечаем: «Конечно!» Делон, в уверенности, что мы ничего этого не сделаем и никогда уже больше не появимся, говорит: «Ну, давайте выпьем!» Мы говорим: «Да нет уж! Нам пора работать!» Пришли к себе в отель «Рафалль», заказали ужин в номер. Жорж разложил нам стенографическую-переводчицу. И с девяти вечера до восьми утра мы сочиняли, а она печатала. В семь утра позвонили Жоржу, разбудили его: «Приезжай быстро!» И ровно в половине девяти, без звонка, Жорж появился в офисе Делона. Тот был на месте. Взял эти странички, почитал... и согласился! Так он стал у нас сниматься.

Н.Б. На фильме «Берег» с нами работали немцы, это очень помогало — без них трудно было осваиваться в среде, где мы чужие. Не говоря о том, что на Западе нельзя снимать на улицах города — за это надо платить большие деньги и иметь разрешение. Мы же вели себя как пираты — снимали скрытой камерой, а это чертено. Но продюсер-немец договаривался с властями, помогал решать все проблемы.

Одну из сцен в Гамбурге снимали в районе красных фонарей. Ходить туда опасно — могут не только разбить камеру, но и убить. Там собираются толпы женщин легкого поведения, их сутенеры — общество не самое избранное.

В.Н. По этой причине наших женщин мы туда не пускали, а что касается меня, я этот район (он называется Рипербан) хорошо изучил, когда приезжал искать натуру. Как-то забрал в место под названием «контактен»; это большое помещение типа подземного гаража, отделенное тяжелым резным ковром-занавесом. Входили, занавес за тобой захлопывается, и видишь огромное количество полубожаженных дам, освещенных сверху

лампочками. «Клиент» выбирает даму, договаривается о цене, и на лифте они поднимаются на второй этаж (там я не был).

Несколько эпизодов мы снимали скрытой камерой на Рипербане, помогал нам второй режиссер с немецкой стороны, бывший полицейский, иначе могли быть неприятности. Снимали проходы по улице — Шербакова и Джигарханяна. Как-то приходит они ко мне и просят разрешения уйти ненадолго, пока у всех обеснелый перерыв. Вижу — глаза у них блестящие, чувствую, что собираются в «контактен», о котором я, как старожил, им уже рассказывал, да они и сами не промах. Ушли, но вовремя не вернулись — опоздали. Почему? Когда они вошли в этот «контактен», дошли до серелины, вдруг раздается голос: «Армен Борисович! Армен Борисович!» Джигарханян от неожиданности вздрагивает, оборачивается и видит — стоит какая-то девочка, в чем мама родила, и говорит: «Какое счастье, вы мой любимый артист, я всю жизнь мечтала иметь ваш автограф...»

Оказалось, что это была русская девочка, которая эмигрировала со всей семьей из Ташкента, а теперь подрабатывает таким образом. — Дайте мне ваш автограф. — А на чем писать-то? На блу, на заднице?.. А она говорит: «Армен Борисович, я вас обожаю, я хочу сделать для вас что-нибудь приятное... Я знаю, что у русских денег мало, если я вам не нравлюсь, выберете кого угодно, — я оплачиваю...» Но Джигарханяна, оставив автограф не знаю на какой части тела, горло удержали под ругательства Бори Шербакова, который настаивал на реализации ее предложения. Сам он был в старческом гриме и был страшно недоволен, что его не узнают. Они побороли еще и, к сожалению для них, вернулись на съемку.

В.Н. Последний наш фильм «Наследница, или Жена мертвого человека» (название условное) почти закончен. Нужно еще только несколько съемочных дней, чтобы его завершить, но мы никак не можем найти деньги. Вообще-то он будет называться по-другому — «Малонна на асфальте».

Это история трагической любви молодой женщины, у которой убивают на войне мужа. Драма в том, что она не может обособиться от этой любви, это как навязчивое — прошло два года, как муж погиб, а она не в силах его забыть. За ней ухаживают два молодых человека, но она живет прошлым. Эту роль играет Наташа-младшая, как мне кажется,

очень интересно. Вообще это довольно остроумная история, она происходит в наши дни, в ней множество других персонажей. Снимались замечательные актеры — Армен Джигарханян, Анатолий Ромашин, Борис Шербак, Валерий Сторожик, Игорь Ясулович — все, с кем я уже не один раз работал.

Н.Б. Ничего похожего в жизни не играла и не думала, что буду играть. Моя взбалтывающая экстравагантная героиня живет в своем придуманном мире. Несмотря на все ее странности и даже некоторую придури, внутри скрывается совсем другое женское одиночество, страшная скоротечность всего в мире.

Все, что играешь, так просто не проходит, груз прожитого по-прежнему никуда не пропадает, оставаясь после себя какой-то шлейф.

Конечно, это несравнимо с тем, что происходит с реальными людьми в ситуации реальной войны, но и погружение в подобную ситуацию через творчество оставляет след.

Меня занимает вопрос — почему актеров в средние века хоронили за кладбищенской оградой? За что их приравнивали к самозабвению, колдунам и ведьмам? За какие грехи? Может быть, потому что мы пытаемся заглянуть туда, где человеку не дано владствовать, пытаемся проникнуть за какую-то черту, когда примеряем на себя чужую судьбу: играть чужой судьбой — все равно что заглянуть в неведомое, а мы пытаемся заглянуть... Но я никогда не ощущала, что занимаюсь греховным делом, может быть, потому что в профессии притворяюсь не умею.

И все чаще появляется мысль о других возможностях профессии, ведь она предполагает не только растрату себя, но и накопление каких-то знаний, новых ресурсов. Я всю жизнь только снималась, а теперь хотела бы попробовать себя в чем-то другом. Есть идеи, есть предложения, что из этого получится, не знаю. Посмотрим...

В.Н. Недавно корреспондент одной газеты сделал мне комплимент, сказав: «Я, пожалуй, не знаю ни одного другого режиссера, который бы безостановочно переходил от одной картины к другой, от одного замысла к следующему». На самом деле это преувеличение. Бывали и просто, еще какие, даже по нескольку лет. Но конечно же я не сидел без дела. Писал, рисовал. Воевал за новую постановку. В этом смысле перерывов не было. Но вообще-то, мне кажется, во мне с детства сидит какой-то волчок. Бывают такие непонесения. Мне все время надо было что-то делать. Я никогда не мог успоко-

иться, пока не уставал до упаду. Тогда я падал на диван и читал. Вот на этой границе я существовал. Экстерном закончил школу и в семнадцать лет поступил во Всесоюзный государственный институт кинематографии. Я был самым молодым на курсе. Во ВГИКе меня называли Маугли, потому что я был сумелым, тощим и страшно подвижным. Я не могу без работы. Когда мы снимали «Легенду о Тиле», я вдруг пришел к мысли: а ведь Тиле не обязательно было все время двигаться, менять страны, города, сновать нос во всякие истории — в этом его сущность. Он — бродяга. И если его остановить, то он умрет. Так и я. Я абсолютно не могу существовать без работы!

Впрочем, в последнее время я стал уставать от постоянных переездов. Возникает противоречие между желанием что-то делать и некой полуподсознательной необходимостью накопить, который усталость, долго плавать, и множество ракушек, прилепившихся к его лодке, мешают движению.

Правда, говорят, что люди, которые живут интеллектуальной жизнью, занимают творчеством, что-то создают, более жизнестойкие, жизнеспеккие, чем люди, занятые обычной работой: которые приходят на рабочее место к девяти утра, а в шесть вечера уходят домой. Хотя, казалось бы, такой размеренный образ жизни, по всем законам, должен способствовать прочности человеческого организма. Но нет...

Есть тут какая-то тайна. Что-то такое есть в бесконечной смене впечатлений, в бесконечной череде людей, которые с тобой соприкасаются, в бесконечной смене мест и даже интересов, поскольку каждая картина, имея определенное содержание, втягивает тебя в свой особый мир.

Признаться, я люблю стрессы — без них скучно. Художники они просто необходимые, чтобы не заставлялась кровь. Некоторые люди любят гоним, такие — «на выживание», на грани катастрофы. Некоторые прыгают с парашютом. А мы — все время стремимся в стрессы. У режиссеров, кинематографистов это «национальный вид спорта» — самые разнообразные стрессы. Можно считать, что каждый день я по три-четыре раза прыгаю с парашютом, срываюсь с какой-то скалы, мчусь вперед Шумахера на гоночной машине, и т.д., и т.п. Стресс так стресс! Пусть он будет! Я не хочу от него отказываться. Ни от чего, что есть в моей жизни, я отказываться не хочу. Если бы мне сказали: «Знаешь, мы можем навсегда избавить тебя от неприятностей, которые есть в этой жизни» — я бы, наверное, не согласился... Пусть будет так, как должно быть. Единственное, что хотелось бы, — чтобы была возможность снимать кино.

Полностью книга Н. Белохвостиковой и В. Наумова «В кадре и за кадром» выходит в издательстве «Центрополиграф».

Главный редактор номера: Юрий СОЛОМОНОВ
Газета зарегистрирована в Мининформпечати
РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054
© Общая газета. Перепечатка допускается
по согласованию с редакцией.
Ссылка на «ОГ» обязательна
Правовое обслуживание газеты осуществляет
Адвокатское бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МГКА

Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН
Арт-директор: Андрей МАЛЬКОВ
Отдел рекламы:
Тел.: 915-75-23, 1-ф. 915-26-06, e-mail: lov@og.ru
Отдел маркетинга: Тел.: 915-53-81
Связи с общественностью:
Валерия ГАЛЛАЙ, Зоя ВОЛКОВЕЦ
Тел.: 915-70-40, e-mail: pr@og.ru

Верстка компьютерного центра
«Общей газеты»
Технический директор
Валерий МАКАРОВ

Ссылка на «ОГ» обязательна
Правовое обслуживание газеты осуществляет
Адвокатское бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МГКА

Отдел распространения: Александр РЕБРИК. Тел.: 915-53-89
Объем тиража «ОГ» — 20565 экз. (региональный — 14400 экз.)

Цена свободная
Розничное распространение в Московском метрополитене
Группа компаний «МАТРИКС ПРЕСС»
в с.-Петербургском метрополитене
ООО «МЕТРОПРЕСС»

Отпечатано в ОАО ПО «Пресса-1»,
125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24
Номер подписан в печать 22.11.2000 г.
Заказ 2952.

Наш подписной индекс: 32138

